

С П Р А В К А

о результатах предварительного расследования так называемого "Катынского дела".

Вскоре после освобождения Красной Армией гор. Смоленска от немецко-фашистских захватчиков (25 сентября 1943 года), в период с 5 октября 1943 года по 10 января 1944 года, по распоряжению Чрезвычайной Комиссии по расследованию зверств немецких оккупантов, специальная Комиссия из представителей соответствующих органов провела расследование сфабрикованного немецко-фашистскими захватчиками провокационного дела "О расстреле большевиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров".

Было допрошено 95 свидетелей, проверено 17 заявлений, поданных в Чрезвычайную Комиссию, рассмотрены и изучены различные документы, относящиеся к делу, проведена необходимая экспертиза, осмотрено место расположения катынских могил.

В результате расследования установлено:

1.

Описание места расположения катынских могил и режима, применявшегося в районе "Козьих Гор" до захвата этого района немцами.

Местность "Козьи Горы" расположена в 15 км. от Смоленска по шоссе Смоленск-Витебск. С севера она примыкает к шоссе, с юга - подходит вплотную к реке Днепр. Ширина участка от шоссе до Днепра около одного километра. "Козьи Горы" входят в состав лесного массива, называющегося Катынским лесом и простирающегося от "Козьих Гор" к западу и востоку. В двух с полови-

ной километрах от "Козьих Гор" по шоссе к востоку расположена железнодорожная станция Западной железной дороги Гнездово. Далее на восток расположена дачная местность Красный Бор.

В "Козьих Горах" на крутом берегу Днепра до войны находился дом отдыха УНКВД Смоленской области: обширное двухэтажное здание с соответствующими хозяйственными постройками. От дома отдыха к шоссе Смоленск-Витебск пролегает извилистая проселочная дорога протяжением около одного километра. Могилы польских офицеров находятся в непосредственной близости к этой дороге на расстоянии, по прямой, менее 200 метров от шоссе и в 700 метрах от дачи.

Эскизный план местности прилагается.

Многочисленными свидетельскими показаниями устанавливается, что район "Козьих Гор" был местом отдыха для трудящихся гор. Смоленска и был доступен для всего окружающего населения.

Так, например, ЧЕПИКОВ Л.Т. - учитель Невещанской школы Катинского с/с на допросе от 14 октября 1943 года показал:

"До войны с немцами в "Козьих Горах" я бывал очень часто. Ходил я туда не один, там бывало все население деревни Гнездово, никто нас там никогда не задерживал, ни о каких расстрелах людей в то время мы не слышали".

Жительница деревни Новне Батеки, полька по национальности ЧЕРНИС К.И., в своем заявлении от 24 ноября 1943 г. пишет:

"До прихода немцев "Козьи Горы" были местом гулянья, сбора грибов и дров. Оно было открыто для всех жителей как нашей, так и других деревень".

Ученик ремесленного училища связи УСТИНОВ Е.Ф. показал:

"Перед войной в Катинском лесу... находился пионерлагерь Облпромкассы и я был в этом пионерском лагере до 20 июня 1941 года... Я хорошо помню, что до прихода немцев никаких ограждений в этом районе не было и всем доступ в лес и в то место, где впоследствии немцами демонстрировались раскопки, был совершенно свободный."

"В лесном массиве "Козьи Горы" раньше, до занятия немцами гор. Смоленска, была дача НКВД, однако, проживавшие там люди никогда не запрещали нам, местным жителям, ходить в этот лес по ягоды и грибы. Мимо этой дачи мы ходили купаться на реку Днепр".

(Из показаний КРИВОЗЕРЦЕВА М.Г., житель дер. Новые Батеки, от 22 ноября 1943 г.).

Аналогичные показания дали также ОРЛОВА Вера учительница Гнездовской начальной школы, КИСЕЛЕВА М.К., проживавшая на хуторе у "Козьих Гор", СОЛДАТЕНКОВ Д.И. колхозник дер. Борок, Смоленского района, СЕРГЕЕВ Т.И. дорожный мастер и др.

В официальной справке от 3 января 1944 г. за № 17 Смоленский Городской Совет депутатов трудящихся удостоверяет, что:

"...Район "Козьих Гор" и прилегающих к нему Катинского леса и Красного Бора являлся местом отдыха трудящихся города Смоленска, местом маевки и общественных гуляний и никогда, вплоть до захвата города Смоленска немцами (16 июля 1941 г.) не подвергался никаким ограничениям и запретам в смысле передвижения населения по всей указанной территории".

Смоленская областная промстрахкасса в своей справке за № 5 от 5 января 1944 года удостоверяет, что район "Козьих Гор" и прилегающей к нему местности

"...Являлся местом организации пионерских лагерей, принадлежавших системе Промстрахкассы по Смоленской области".

Могилы польских офицеров, как указано было выше, расположены менее чем в 200 метрах от шоссе Смоленск-Витебск. Невозможно допустить, чтобы в такой близости от оживленной трассы могли быть в мирное время расстреляны несколько тысяч человек без того, чтобы об этом стало известно населению. Только фашистско-немецкие мерзавцы, не стеснявшиеся в применении различных способов уничтожения людей, могли, воспользовавшись обстоятельствами военного времени, совершить такое преступление.

Таким образом, придуманная немцами легенда о том, что Катинский лес при Советской власти тщательно охранялся и был огражден проволокой, так как ^{якобы} являлся местом расстрела органами НКВД советских граждан и военнопленных поляков, не выдерживает никакой критики.

II.

Режим, установленный в районе "Козьих Гор"
немцами после захвата ими этого района.

Свидетельскими показаниями устанавливается, что именно немцы вскоре после своего прихода в этот район установили в Катинском лесу строжайшую охрану, никого не подпуская близко к этому месту под угрозой расстрела.

На бывшей даче УНКВД в "Козьих Горах" разместился штаб какого-то немецкого учреждения. Работавшая на кухне в этом штабе АЛЕКСЕЕВА А.М., 1916 года рождения, уроженка дер.Борок Катинского с/с показала:

"Дача в "Козьих Горах", осенью 1941 года усиленно охранялась вооруженными немецкими солдатами, вход в дачу со стороны леса был строго воспрещен, всюду были повешены таблички о запрете прохода в лес с предупреждением о расстреле на месте за нарушение. Специальный пост был и у Днепра, с тыловой стороны дачи. Нам, русским, работавшим на даче в "Козьих Горах" разрешалось проходить только по основной дороге, шедшей от шоссе Смоленск-Витебск. Мы даже не имели права самостоятельно возвращаться с работы. Когда мы уходили с дачи домой, до шоссе нас обычно сопровождали один-два немца".

Проживающий на хуторе в Катинском лесу КИСЕЛЕВ П.Г. на допросе от 9 октября 1943 года показал:

"Через некоторое время после прихода немцев, Катинский лес вблизи "Козьих Гор" был взят под охрану. Местное население было оповещено, что каждый человек, появившийся в лесу, будет расстрелян. Я лично читал одно из таких об"явлений, вывешенное на столбике на шоссе. В этом об"явлении было написано: "Кто сойдет с шоссе в сторону леса на сто шагов, будет расстрелян без окрика".

Упомянувшийся выше КРИВОЗЕРЦЕВ, 1904 года рождения, плотник на ст. Красный Бор показал:

"Немецкая охрана леса "Козьи Горы" и ведущих к нему проезжих дорог и пешеходных стежек была установлена с июля месяца 1941 года и до марта месяца 1943 года".

Бывший начальник железнодорожной станции Гнездово, расположенной в двух с половиной километрах от "Козьих Гор", работавший при немцах сторожем на переезде ^{Иванов} на допросе от 15 ноября 1943 года показал:

"Не только в этот лес, но даже близко к нему нельзя было подойти, так как стоявшие часовые держали всегда наготове автоматы и мы хорошо знали, что пустить их в ход им ничего не стоит".

Аналогичные показания дали быв. дежурный по ст. Гнездово САВВАТЕЕВ И.В., быв. полицейский КУТЕЙНИКОВ В.Н., учитель Невещанской школы Катынского с/с ЧЕПИКОВ Л.Т., священник ОГЛОБЛИН А.П., колхозник дер. Борок Смоленского р-на АЛЕКСЕЕВ М.А., жительница д. Новне Батеки ЧЕРНИС К.И. и др.

III.

Где находились военнопленные поляки в период до и после начала военных действий с Германией.

Немцы в своих сообщениях утверждали, что польские военнопленные офицеры были расстреляны большевиками, якобы, весной 1940 года.

Между тем официальными документами Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР устанавливается, что в районах западнее Смоленска до начала военных действий с Германией находились три лагеря особого назначения, именовавшиеся: лагерь № 1-ОН, лагерь № 2-ОН и лагерь № 3-ОН, в которых содержались пленные поляки, использовавшиеся на строительстве и ремонте шоссе до начала военных действий с немцами.

Лагерь № 1-ОН находился на 408-ом ккм. от Москвы и на 23-ем ккм. от Смоленска на магистрали Москва-Минск.

Лагерь № 2-ОН находился в 25-~~км~~ ккм. на запад от Смоленска по шоссе Смоленск-Витебск.

Лагерь № 3-ОН находился в 45-~~км~~ ккм. на запад от Смоленска в Красненском районе Смоленской области.

После начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам и судьба их до опубликования немцами своих сообщений по "катынском делу" была неизвестна.

Начальник лагеря № 1-ОН лейтенант госбезопасности ВЕТОШНИКОВ В.М., давая об"яснения о судьбе порученного ему лагеря, в своем рапорте на имя начальника Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР от 12 августа 1941 года пишет:

"После того, как я получил от Вас указание подготовить лагерь к эвакуации, я принял к этому необходимые меры.

Охрана и пленные поляки были мною предупреждены. Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к начальнику движения Смоленского участка Западной железной дороги тов. ИВАНОВУ с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но тов. ИВАНОВ ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения от Вас разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной, я не знаю".

Опрошенный ~~инж. инженер~~ Смоленского отделения движения Западной железной дороги тов. ИВАНОВ С.В. подтвердил, что в июле месяце 1941 года к нему обращались (он не помнит кто) с

просьбой предоставить вагоны для вывоза военнопленных поляков, но в силу сложившейся на участке обстановки, он этого сделать не имел возможности.

Присутствие в указанных выше районах польских военнопленных подтверждено многочисленными показаниями свидетелей, наблюдавших военнопленных поляков на протяжении 1940-1941 г.г. как до оккупации Смоленска немцами, так и в первые месяцы после оккупации, до сентября месяца 1941 г. включительно:

После этого срока никто военнопленных поляков в этом районе не видел.

Так, например, дежурный на ст. Гнездово САВВАТЕЕВ И.В. на допросе от 16 октября 1943 года показал:

"Мне известно, что польские военнопленные, следовавшие в 1940 году через станцию Гнездово, использовались на дорожных работах в нашем районе. Я лично несколько раз в 1940 и 1941 г.г. видел как работали на шоссе польские военнопленные...

После прихода немцев в Смоленский район я встречал группы польских военнопленных в августе-сентябре 1941 года, под конвоем направлявшиеся к лесу "Козьи Горы".

Священник ГОРОДЕЦКИЙ В.П. на допросе от 30 ноября 1943 г. показал:

"Я лично видел осенью 1941 года как немцы гнали по шоссе группы военнопленных поляков, их сопровождал усиленный конвой".

Свидетельница БАЗЕКИНА А.Т., бухгалтер отделения Госбанка в Смоленске на допросе от 21 ноября 1943 года показала:

"Вскоре после занятия Смоленска немцами я видела польских солдат и офицеров, которые работали по очистке и ремонту дорог, они были одеты в польскую форму и их охраняли немецкие солдаты. Я их видела партиями человек по 30. Это относится к периоду осени 1941 года и потом я их не встречала".

Учительница школы в поселке Катюнь ВЕТРОВА Е.Н. на допросе от 29 ноября 1943 года показала:

"Осенью 1941 года, когда нас принудительно немцы выгнали для работы на шоссе Смоленск-Витебск, мне приходилось видеть как на грузовых машинах провозили военнопленных поляков. Их форма совпадала с формой виденных мною расстрелянных поляков в "Козьих Горах"."

Аналогичные показания о том, что военнопленные поляки находились в районе Смоленска не только перед оккупацией Смоленска немцами, но и в первые месяцы после оккупации дали свидетели: бывший начальник станции Гнездово ИВАНОВ С.В., житель гор. Смоленска БИЧКОВ И.И., священник ОГЛОВЛИН А.П., жительница гор. Смоленска ЛЯПУНОВА С.В., проживавшие на хуторе в районе "Козьих Гор" КИСЕЛЕВА А.А. и КИСЕЛЕВА М.К. и многие другие.

Таким образом, из приведенных выше показаний и документов устанавливается:

1. Что район "Козьих Гор" и прилегающих к нему Катинского леса и Красного Бора, до захвата немцами Смоленской области, не являлся запретной зоной, а стал таковой только вскоре после прихода в этот район немцев;

2. Что военнопленные поляки, прибывшие весной 1940 года в районы западнее Смоленска, находились в этих районах на дорожно-строительных работах в 1940-41 г.г., вплоть до начала военных действий с Германией;

3. Что военнопленных поляков видели также в первые месяцы после захвата немцами гор. Смоленска, в августе-сентябре месяцах 1941 года;

4. Что после этого срока военнопленных поляков больше никто не видел.

1У.

Как осенью 1941 г. в районе "Козьих Гор" немцы расстреляли военнопленных поляков.

Что же произошло с военнопленными поляками, находившимися осенью 1941 г. в районах западнее Смоленска?

Ясный ответ на этот вопрос о трагической судьбе военнопленных поляков дадут ниже помещенные документы и показания свидетелей, полученные Комиссией по расследованию зверств немецких оккупантов.

Как было сказано выше, в "Козьих Горах" разместилось какое-то немецкое учреждение, деятельность которого тщательно немцами конспирировалась.

В средних числах августа 1941 года, по требованию немцев, староста деревни Борок, расположенной от "Козьих Гор" в четырех километрах, СОЛДАТЕНКОВ Д.И. направил в распоряжение указанного немецкого учреждения для работы на кухне трех жительниц дер. Борок АЛЕКСЕЕВУ А.М., 1916 года рождения, МИХАЙЛОВУ О.А. 1924 года рождения и КОНАХОВСКУЮ З.П., 1925 года рождения.

По прибытии в "Козьи Горы" им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано АЛЕКСЕЕВОЙ, МИХАЙЛОВОЙ и КОНАХОВСКОЙ через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом АРНСОМ, который для этой цели по одиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе немецкого учреждения АЛЕКСЕЕВА А.М. показала:

"На даче в "Козьих Горах" постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант АРНС, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель ГРЕНЕВСКИЙ, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны".

Вскоре после своего поступления на работу АЛЕКСЕЕВА, МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ стали замечать, что на даче совершаются "какие-то темные дела".

АЛЕКСЕЕВА А.М. на допросе 23 декабря 1943 года показала:

"...Переводчик Иоган, от имени АРНЕСА, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны "держаться язык за зубами" и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в "Козьи Горы" почти ежедневно приезжало несколько крытых грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины подезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин, на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу, эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, КОНАХОВСКУЮ и МИХАЙЛОВУ) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух еврей-торов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей - двух еврей-торов. Один из них был высокий, рыжий, другой - среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид.

Вопрос: Кого же, по вашему мнению, немцы расстреливали на даче?

Ответ: Я твердо убеждена в том, что немцы расстреливали военнопленных поляков. Это убеждение сложилось у меня еще тогда же, осенью 1941 года, и основывалось на следующих моих наблюдениях:

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьезствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение РОЗЕ. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150-200, я увидела как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30, под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а так же и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в "Козьи Горы".

Так как к этому времени я уже внимательно наблюда-ла за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укывшись в кустах у обочины дороги, стала

ждать. Примерно через минут 20 или 30, я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, проснулся поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в "Козьи Горы" мы догадывались по напряженной обстановке, которая царилла в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр непрерывно проверял посты по телефону...

МИХАЙЛОВА О.А., 1924 года рождения на допросе 24 декабря 1943 г. показала:

"В сентябре месяце 1941 года, в лесу "Козьи Горы" очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на под"езжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинках, рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины под"езжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира.

Замечала я и такую вещь, пока унтер-офицеры мылись в бане, их шофера постоянно чистили и смазывали оружие. Особенно бросалось в глаза то, что закрытые грузовые автомашины приезжали к даче всегда вскоре по окончании стрельбы в лесу на "Козьих Горах".

КОНАХОВСКАЯ З.П., 1925 года рождения, на допросе 23-го декабря 1943 года показала:

"...Через несколько дней, после моего поступления на работу в "Козьи Горы" я начала замечать, что на

территорию дачи приезжают какие-то крытые грузовые машины. Обычно в это время из леса слышались выстрелы. Минут через 40-50 фургоны под"езжали к даче и ехавшие в кабинах шоферов немцы уходили в баню. В эти дни нам на кухне доставалось много работы. Повар Густав заставлял чистить большое количество картофеля, в котел закладывалась удвоенная, а иногда утроенная порция продуктов, а РОЗЕ по нескольку раз на день забегал на кухню, справляясь у повара, все ли в порядке. Было еще одно обстоятельство, благодаря которому дни приезда фургонов мне особенно хорошо запомнились: мне, АЛЕКСЕЕВОЙ и МИХАЙЛОВОЙ, при появлении крытых машин на территории дачи, приказывали немедленно уходить на кухню и ни в коем случае не выходить во двор..."

Работавшие у немцев на даче в "Козьих Горах" МИХАЙЛОВА О.А. и КОНАХОВСКАЯ Э.П. один раз лично видели как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавших от немцев и затем пойманных!

МИХАЙЛОВА об этом на допросе 24 декабря 1943 года показала:

"Однажды, как обычно, я и КОНАХОВСКАЯ работали на кухне и слышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то раз"яснявшими унтер-офицеру РОЗЕ, затем к ним подошел оберст-лейтенант АРНЕС и что-то сказал РОЗЕ. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство РОЗЕ нас изобьет. Но нас все-таки заметили и механик ГЛИНЕВСКИЙ, по знаку РОЗЕ, загнал ~~нас~~ на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер РОЗЕ оживленно разговаривали. Я и КОНАХОВСКАЯ, желая выяснить как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи ад"ютант АРНЕСА по-немецки что-то спросил РОЗЕ, на что последний также по-немецки ответил: "Все в порядке". Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти двое поляков расстреляны".

Аналогичные показания по этому вопросу дала также КОНАХОВСКАЯ З.П.

Напуганные всем тем, что происходило на даче, АЛЕКСЕЕВА, МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им "зарплаты" с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению МИХАЙЛОВОЙ, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную - МИХАЙЛОВУ на 8 суток, а АЛЕКСЕЕВУ и КОНАХОВСКУЮ на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех к их большой радости уволили.

За время своей работы на даче АЛЕКСЕЕВА, МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

МИХАЙЛОВА на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

"Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и КОНАХОВСКАЯ и АЛЕКСЕЕВА также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в "Козьих Горах" расстреливали именно польских военнопленных, так как АЛЕКСЕЕВА рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес "Козьи Горы" большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу. Она же сообщила нам, что и в закрытых машинах, о которых я показала ранее, немцы привозили поляков".

Аналогичные показания об этом деле также АЛЕКСЕЕВА и КОНАХОВСКАЯ.

Сопоставив свои наблюдения, АЛЕКСЕЕВА, МИХАЙЛОВА и КОНАХОВСКАЯ пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в "Козьих Горах" немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания АЛЕКСЕЕВОЙ подтверждаются показаниями ее отца - АЛЕКСЕЕВА Михаила, которому она еще в период своей работы на

даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

"Она мне долго ничего не говорила, только придя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу "Козьи Горы" немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья".

(Из показаний АЛЕКСЕЕВА Михаила от 24 декабря 1943 года).

По вопросу о том, что делалось осенью 1941 года на даче в "Козьих Горах" заслуживают внимания показания КРИВОЗЕРЦЕВА М.Г., 1904 года рождения, по специальности плотника.

На допросе 22 ноября 1943 года КРИВОЗЕРЦЕВ показал:

"Осенью 1941 года по распоряжению лесника СУРИКОВА я был мобилизован на дровозаготовки, по крайней мере мне так было об"явлено. На самом деле с группой крестьян из разных деревень, мне лично незнакомых, я в течение шести дней работал по очистке леса "Козьи Горы". Лес вырубался со стороны шоссе и нам было ясно, что немцы вырубает лес, боясь партизанских налетов на шоссе. Все мы, работавшие в лесу, были зарегистрированы у немцев и часовне пропускали нас в лес после того, как сверяли по документам нашу личность. Однажды лесник СУРИКОВ повел меня лесом показать новую делянку и нам пришлось проходить с ним по дороге, ведущей с шоссе к лесной даче "Козьи Горы". Примерно в 300 метрах от шоссе я увидел поляну шагов сорок в длину и столько же в ширину, обсыпанную песком. Никогда ранее ее на этом месте не было, она резко выделялась от общего тона земли. Видно было, что эта поляна, обсыпанная по поверхности песком, была устроена руками человека. Я спросил СУРИКОВА, откуда и каким образом появилась на "Козьих Горах" эта поляна. СУРИКОВ сказал мне, что здесь зарыты люди и как я не допытывался он мне больше ничего не сказал и велел молчать, если я не желаю себе зла. Здесь же СУРИКОВ мне сказал, чтобы вокруг этой поляны я не вырубал лес. Этот разговор относится, как я

теперь вспоминаю, к середине октября 1941 года. Поскольку эта поляна действительно производила впечатление какой-то свежеврытой и засыпанной большой ямы, которой никогда до прихода немцев в Смоленск я ранее не видел, я поверил СУРИКОВУ. Но так как СУРИКОВ не стал мне говорить, кто погребен в этой яме, то для меня стало ясным, что усиленная охрана немцами "Козьих Гор" не случайна, а здесь действительно закапываются трупы замученных немцами людей".

КРИВОЗЕРЦЕВ представил Комиссии три стрелянные гильзы калибра 7,65 мм немецкого образца с надписями на шляпках "Ceco", "RWS" и "PWH 4794".

По словам КРИВОЗЕРЦЕВА, эти гильзы он нашел в катынских могилах весной 1943 года, когда он был привлечен немцами к работам на могилах.

О том, что во второй половине августа и в сентябре 1941 года в районе "Козьих Гор" постоянно слышались выстрелы, причем не автоматные очереди, а одиночные pistolетные выстрелы, следовавшие часто один за другим, показывают многочисленные свидетели и, в частности, ближе всего проживавший к району "Козьих Гор" у себя на хуторе КИСЕЛЕВ П.Г. Последний на допросе от 9 октября 1943 года показал:

"Немного позже, в конце августа или начале сентября 1941 года, в район "Козьих Гор" стали прибывать на грузовых автомашинах, под охраной, группы польских военных. Кроме того, иногда в это место гнали поляков пешком группами по 30-40 человек. Какое количество поляков было доставлено немцами в Катынский лес я не знаю. После прибытия машин в "Козьи Горы" я в разное время суток слышал из леса стрельбу".

Особо важное значение в вопросе о том, что происходило на даче в "Козьих Горах" осенью 1941 года, имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в гор. Смоленске БАЗИЛЕВСКОГО Бориса Васильевича.

Профессор **БАЗИЛЕВСКИЙ** в первые дни оккупации немцами гор. Смоленска был насильно назначен ими (25 июля 1941 г.) заместителем начальника города (бургомистра), в какой должности состоял до 1 октября 1942 года. Начальником города (бургомистром) был назначенный немцами адвокат гор. Смоленска **МЕНЬШАГИН**, впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием немецкого командования и, в частности, коменданта города Смоленска фон-ШВЕЦ. В доверительной беседе **МЕНЬШАГИН** рассказал **БАЗИЛЕВСКОМУ** о планах немцев в отношении военнопленных поляков.

БАЗИЛЕВСКИЙ Б.В., 1885 года рождения, на допросе от 20 декабря 1943 года показал:

"Вскоре после занятия Смоленска немецкими войсками, в августе 1941 года в конце 1-ой Красненской улицы был создан для русских военнопленных лагерь, известный под № 126, в котором содержалось несколько десятков тысяч военнопленных командиров и красноармейцев. Это был не лагерь, приспособленный к содержанию пленных в сколько-нибудь человеческих условиях, а по общему отзыву какой-то "загон", где люди жили в помещениях без окон и дверей, в условиях неопишуемой скученности. В числе находившихся в лагере и близких к гибели был и хорошо мне известный смоленский педагог (заведующий учебной частью 3-й Смоленской средней школы) **Георгий Дмитриевич ЖИГЛИНСКИЙ**.

В начале сентября 1941 года после своего очередного доклада **МЕНЬШАГИНУ** по делам подведомственных мне отделов городского управления, я обратился к нему с просьбой возбудить ходатайство перед немецким командованием об освобождении **ЖИГЛИНСКОГО** из лагеря, так как без ходатайства начальника города освобождение осуществлено быть не могло. **МЕНЬШАГИН** после небольшого колебания согласился подписать ходатайство, но при этом заметил: "Что ж, одного спасем, а тысячи все равно погибнут".

В этой связи я высказал мысль, что хорошо бы поставить перед немецким командованием вопрос о разгрузке лагеря № 126 и создания в нем более человеческих условий, что он, **МЕНЬШАГИН**, пользуясь определенным доверием немецкой комендатуры в лице коменданта города фон-ШВЕЦ может добиться в этом вопросе положительного результата.

"Это тем более необходимо", продолжал я, "что лагерь является очагом распространения эпидемических заболеваний и потому представляет прямую угрозу для населения города, за судьбу которого мы с вами, как лица стоящие во главе городского управления, несем определенную ответственность".

МЕНЬШАГИН задумался, а затем сказал: "Вн, пожалуй, правн. Об этом стоит поговорить с господином фон-ШВЕЦ, так как лагерь представляет угрозу не только для населения города, но и для частей германской армии, размещенных в городе".

Через два дня МЕНЬШАГИН вызвал меня к себе в кабинет и с некоторым раздражением сообщил: "Из-за вашей просьбы я попал в неудобное положение. Фон-ШВЕЦ отказался удовлетворить наше ходатайство об освобождении ЖИГЛИНСКОГО".

Он об"яснил мне, что получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе".

Я невольно возразил:

"Что же может быть жестче существующего в лагере режима?"

МЕНЬШАГИН странно посмотрел на меня и наклонившись ко мне тихо ответил: "Может быть! Русские по крайней мере сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить."

"Как так? Как это понимать?" воскликнул я.

"Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина", ответил МЕНЬШАГИН и тут же попросил меня "ради всего святого" никому об этом не говорить. Я заверил его, что сохраню этот разговор в тайне.

Вопрос: Вам известна дальнейшая судьба военнопленных поляков?

Ответ: Да, известна. Вопрос о поляках, признаюсь, меня очень мучил и я никак не мог отвязаться от мысли о них. Недели через две после описанного выше разговора с МЕНЬШАГИНЫМ я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: "Что слышно о поляках?"

МЕНЬШАГИН помедлил, а потом все же ответил: "С ними уже покончено. Фон-ШВЕЦ сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска."

Видя мой растерянный вид, МЕНЬШАГИН снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал "об"яснять" мне ли-

нию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора".

В процессе дальнейшего допроса БАЗИЛЕВСКИЙ рассказал о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры, ведающего вопросами гражданского управления, ГИРШФЕЛЬДОМ, прибалтийским немцем, хорошо говорившим по-русски.

БАЗИЛЕВСКИЙ показал:

"ГИРШФЕЛЬД с циничной откровенностью заявил нам, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а поэтому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии. В этой связи ГИРШФЕЛЬД с бахвальством рассказывал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагеря."

БАЗИЛЕВСКИЙ рассказал о содержании своей беседы с МЕНЬШАГИНЫМ своему близкому знакомому, проживавшему в том же доме, где и БАЗИЛЕВСКИЙ, профессору физики ЕФИМОВУ И.Е., 1890 года рождения, работавшему при немцах заведующим отделом "просвещения" городского, а позднее окружного управления.

Подтверждая показания БАЗИЛЕВСКОГО, ЕФИМОВ И.Е., будучи допрошен 26 декабря 1943 года, рассказал:

"Осенью 1941 года, однажды, когда я встретил БАЗИЛЕВСКОГО в садике нашего дома, он был очень расстроен, задумчив и, как я заметил, чем-то озабочен. Полагая, что у него произошли какие-то неприятности по службе, я спросил его о причинах такого подавленного настроения. Тогда он с волнением ответил мне, что в связи с полученными им сведениями, он крайне озабочен судьбой русского народа, что теперь ему совершенно ясно, что все зверства, совершаемые немцами в Смоленске, не являются результатом своеволия отдельных немецких офицеров-садистов, пользующихся военным временем и творящих самоуправство, а что вопрос сто-

ит о планомерном массовом истреблении славянского народа и всех народов, не относящихся к "арийской" расе, и что этот чудовищный план разработан и проводится в жизнь по прямому указанию Гитлера и его клики. Все *те* зверства, которые нам пришлось увидеть с приходом немцев, сказал БАЗИЛЕВСКИЙ, это только начало планомерного истребления населения, которое намерены провести немцы со свойственной им педантичностью. Теперь мне ясно, продолжал он, что "жизненное пространство", о котором твердят немцы, необходимо им для заселения их "арийцами" и во имя этого они проводят неслыханное в истории массовое, почти поголовное, истребление других народов, оставляя лишь часть населения, необходимую им в качестве рабов. И мы, русские люди, с горечью заявил он, должны являться невольными пособниками немцев в творимых ими злодеяниях.

На мой вопрос о причине, вызвавшей такие мысли, БАЗИЛЕВСКИЙ ответил, что хотя он и связан данным им словом, но надеется на мою скромность и на то, что я буду хранить в строгой тайне все то, что он мне передаст.

Вопрос: Что вам рассказал БАЗИЛЕВСКИЙ?

Ответ: БАЗИЛЕВСКИЙ рассказал мне, что в этот день утром он был у МЕНЬШАГИНА и узнал от него о том, что немцы расстреляли всех военнопленных польских офицеров, захваченных немецкими войсками во время отступления Красной Армии, которые использовались по ремонту шоссе и дорог и которых не успели эвакуировать. МЕНЬШАГИНУ об этом рассказал комендант города и об"яснил, что это сделано по распоряжению из Берлина."

Об"ективным документальным подтверждением показаний БАЗИЛЕВСКОГО и ЕФИМОВА являются собственноручные записи МЕНЬШАГИНА, сделанные им в своем блокноте. Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского управления города Смоленска после его освобождения Красной Армией.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электрической энергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных МЕНЬШАГИНЫМ, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры гор. Смоленска.

Принадлежность указанного блокнота МЕНЬШАГИНУ и его почерк удостоверены как показаниями БАЗИЛЕВСКОГО, хорошо знающего почерк МЕНЬШАГИНА, так и графической экспертизой.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

Из записей заслуживают внимания и представляют интерес следующие:

4. Весь город, кроме евр квартала, должен быть до 16 часов 5.8 освобожден евреями.

5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.

6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.

7. Район евр поселения должен быть огражден проволокой и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.

8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение начальника города для заселения...

11. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет.

12. Все евреи, достигшие 10-ти летнего возраста, обязаны носить на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см. Эти знаки помещаются с правой стороны груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 часов 5.8 без указанных знаков должны быть задержаны и препровождены в немецкую полицию (здание бывшее НКВД) для расстрела.

Объявить населению, что все жители старше 16 лет по указаниям комендатуры и Управления города подлежат трудовой повинности до распоряжения, причем отказ преследуется по законам военного времени.

У1. Немцев и лиц немецкого происхождения командировать в полицию.

УШ. О большевиках, комиссарах немедленно сообщать полиции.

О работе суда, прокуратуры, адвокатуры.

Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру.

Завод № 2 АНИЩЕНКОВ Андрей - коммунист. КОСТЕНКО Ефим - кандидат ВКП(б) и жена депутат.

11. Борьба с партизанами и наблюдение за ними.

13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз.гор. (УМНОВУ).

3. Священников, старосту, АЛФЕРЧИКА и др. командировать в СД и БУЕВИЧА, ком.218."

Приведенные выше две записи МЕНЬШАГИНА о поляках в сопоставлении с показаниями БАЗИЛЕВСКОГО и ЕФИМОВА с неопровержимой ясностью говорят о том, что немцы захватили в бывших лагерях НКВД и на строительных работах военнопленных поляков, что некоторые из поляков, видимо, бежали и затем были выловлены, и к

поимке привлекалась русская полиция и что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указание о проверке этого своего предположения.

УМНОВ, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции гор. Смоленска, был назначен на эту должность немцами в первые месяцы оккупации гор. Смоленска и позже перешел на работу официальным сотрудником гестапо.

Фотоснимки с записей МЕНЬШАГИНА из его блокнота при этом прилагаются.

У.

Как немцы весной 1943 года готовили свою провокацию о могилах польских офицеров в Катинском лесу.

Надо полагать, что расстреляв осенью 1941 года захваченных военнопленных поляков, немцы не имели тогда намерения приписать это преступление органам советской власти. Расстрел немцами военнопленных поляков просто являлся, как сказано выше, одним из звеньев в их политике физического уничтожения "неполноценных" славянских народов.

Этим об"ясняется то обстоятельство, что немцы осенью 1941 года не учли необходимости обеспечить проведение некоторых мероприятий, которые впоследствии дали бы им возможность без специальной подготовки приписать свое гнусное преступление большевикам.

Осенью 1941 года немцы не чувствовали политической необходимости заняться провокационными измышлениями о "Катинском деле". Но если бы они и хотели этого, они практически не могли в тот период начать катинскую провокацию: надо было выждать время для того, чтобы трупы, захороненные в Катинском лесу, достаточно разложились и имели вид давно захороненных в соответствии с принятой немцами версией.

Зимой 1942-43 г.г. обстановка на фронтах изменилась не в пользу немцев, со дня на день усиливалась военная мощь Советского Союза, крепло единение СССР с союзниками. Немцам надо было постараться вбить клин между СССР и союзниками, как-нибудь опорочив для этой цели Советский Союз и, кстати, поссорить поляков с русскими.

Именно тогда (в конце 1942 г. или в начале 1943 г.) немцам пришла идея о катынской провокации.

Из задач, поставленных немцами перед собой в "катынском деле", ими была решена только одна: поляки попались на удочку Гитлера и польское правительство под воздействием прогитлеровских элементов среди поляков взяло линию на оказание помощи Гитлеру в "катынском деле", что, как известно, привело к разрыву договорных отношений между правительством СССР и польским правительством Сикорского.

ски "свидетелей".

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками "свидетелей", которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать требуемые немцам показания о том, что военнопленные польские офицеры в Катынском лесу весной 1940 года расстреляны большевиками.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всего к даче в "Козьих Горах" крестьянин **КИСЕЛЕВ** Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

КИСЕЛЕВА вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в "Козьих Горах" расстреляли военнопленных поляков.

КИСЕЛЕВ тогда дать ложные показания отказался и его отпустили, предупредив, что вызовут еще.

Действительно, в феврале месяце 1943 года КИСЕЛЕВ был снова вызван в гестапо.

Об этом на допросе 9 октября 1943 года КИСЕЛЕВ показал:

"Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе "Козьих Гор" с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катинском лесу на участке "Козьих Гор" расстреляли польских офицеров и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в "Козьих Горах", да и вряд ли это возможно, обяснил я офицеру, так как "Козьи Горы" совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это якобы имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. Офицер убеждал меня, заявляя: "Германия ведет борьбу с большевизмом и мы должны показать русскому народу, какие большевики звери".

Я решительно отказался сделать это, заявив: "Ищите себе для этого дела другого человека". Тогда офицер сказал, что германское командование настаивает на том, чтобы именно я дал такие показания, так как мое долголетнее проживание в этом районе, рядом с дачей НКВД, делает мои показания убедительными.

Вопрос: Вы дали показания, требуемые от вас гестапо?

Ответ: Нет, я таких показаний не дал и категорически заявил офицеру, что не могу показывать ложь. Офицер, предложив подумать, отпустил меня домой...

После первого разговора, с которым я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943г. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и зачитал его. В нем было сказано, что я, КИСЕЛЕВ, проживая на хуторе в районе "Козьих Гор" сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бравью и угрозами. Под конец он заявил: "Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!"

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится".

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными "делегациями", КИСЕЛЕВА заставили выступить перед прибывшей "польской делегацией".

КИСЕЛЕВ, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало КИСЕЛЕВА и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на "публичные выступления".

Об этом КИСЕЛЕВ показал:

"В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе "Козьих Гор" обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район "Козьих Гор".

Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это "польские делегаты", прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам "делегаты" на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от "делегации" и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору подехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму.

Вопрос: О чем вас в этот раз допрашивали в гестапо?

Ответ: После моего ареста, я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста, немецкий офицер вызвал меня и сказал: "Вот видите, КИСЕЛЕВ, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катинский лес и повесим". Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли "очевидца" расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь на-

путаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием - по первому требованию немцев, выступать перед "делегациями" в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Вопрос: Уточните, что именно вам нужно было рассказывать.

Ответ: Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: "Я живу на хуторе в районе "Козьих Гор" недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали". И обязательно нужно было дословно заявить, что "это дело рук НКВД".

После того как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших "делегаций". Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то "делегацией" и мне задали вопрос: "Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками". Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил как было в действительности, т.е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 г. но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток".

Показания КИСЕЛЕВА П.Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиваниях подтверждаются проживающими вместе с

ним его женой КИСЕЛЕВОЙ Аксиной, 1870 года рождения, его сыном КИСЕЛЕВЫМ Василием, 1911 года рождения и невесткой КИСЕЛЕВОЙ Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у КИСЕЛЕВА на хуторе комнату дорожным мастером СЕРГЕЕВЫМ Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные КИСЕЛЕВУ в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования, произведенного 25 декабря 1943 года Комиссией в составе капитана медслужбы ЦВЕТКОВА, капитана медслужбы ШКАНАЕВОЙ и врача ЖУРАВЛЕВОЙ.

В поисках "свидетелей" немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от "Козьих Гор".

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово - ИВАНОВ С.В., дежурный по станции САВВАТЕЕВ И.В. и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо допрошенный 15 ноября 1943 года ИВАНОВ С.В., 1882 года рождения, показал:

"...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катинском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских

офицеров я встречал на протяжении 1940-1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. "Поэтому, продолжал офицер, "вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого".

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катинскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своем.

Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения..."

САВВАТЕЕВ И.В. ,1880 года рождения, на допросе от 16-го октября 1943 года показал:

"...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст.Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда - мне неизвестно. Я также

добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва-Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убраться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал поданный мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют..."

Поиски "свидетелей" не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области ИГНАТЮК Е.Л., немцы упорно путем угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу ИГНАТЮК Е.Л., 1903 года рождения на допросе от 29 декабря 1943 года показал:

"Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции АЛФЕРЧИКА, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. АЛФЕРЧИК на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером.

АЛФЕРЧИК, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом,

которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос и АЛФЕРЧИК требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катинском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катинский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания, АЛФЕРЧИК обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь АЛЕКСАНДРОВ, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и АЛФЕРЧИК, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избili и отправили в гестапо...

... В гестапо от меня требовали так же как и в полиции ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катинском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы, известно."

Таким образом, в результате своих поисков немцам удалось изблением и угрозами добиться ложных показаний фактически от одного упомянутого выше КИСЕЛЕВА П.Г., которого они заставляли неоднократно выступать перед "делегациями", посещавшими по приглашению немцев раскопки катинских могил.

Показания КИСЕЛЕВА о том как происходили эти "выступления" приведены выше.

Фамилий других "свидетелей" немцы в своих сообщениях полностью не приводили, обозначая их фамилии одной буквой, очевидно для того, чтобы они не были сразу же разоблачены населением гор. Смоленска и окружающих деревень как лица, явно подставленные немцами.

Так например, в сообщении германского информбюро от 17 апреля 1943 года говорилось:

"Вместе с КИСЕЛЕВЫМ в правильности этих слов клянутся и другие, добровольно дающие свои свидетельские показания против большевистских зверей. Это Иван Г., Матвей С., Григорий С., Иван А. и др".

казания нем-
вознаграж-
ия за дачу
казаний о
катынском де-

Так как поиски достаточного количества "свидетелей" не увенчались успехом, немцы вынуждены были расклеить по городу Смоленску и деревням специальные об"явления с приглашением за "вознаграждения" дать "показания" о "катынском деле", надеясь таким путем найти подходящих для себя лиц из числа предателей и изменников Родине.

В распоряжении Комиссии по расследованию имеется подлинный экземпляр такого об"явления, текст которого гласит:

Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово-Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездово в Козьи Горы или

Кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Ф О С С

Лейтенант полевой полиции

3 май 1943 года

Фотоснимок с обращения прилагается.

Аналогичное об"явление было помещено также в издававшейся немцами в Смоленске газете "Новый путь" (№ 35(157) от 6 мая 1943 года).

О том, что немцы широко обещали крупное вознаграждение за дачу нужных им показаний по "катынскому делу", показали опрошенные Комиссией СОКОЛОВА О.Е., ныне секретарь отделения.

Смоленского военторга; ПУШИНА Е.А., БУЧКОВ И.И., БОНДАРЕВА А.А., УСТИНОВ Е.Ф. и многие другие жители гор. Смоленска и окружающих деревень.

Наряду с поисками "свидетелей" немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катинском лесу: к изъятию из одежды трупов всех случайно сохранившихся документов, датированных позже апреля 1940 года, т.е. той даты, когда согласно немецкой версии поляки были расстреляны большевиками; к изготовлению и вкладыванию в одежду трупов новых документов, подтверждающих дату расстрела или удостоверяющих личности польских офицеров и т.д.

Как установлено расследованием, для этой цели немцами были использованы около 500 русских военнопленных, специально отобранных из числа наиболее физически здоровых, содержавшихся в немецком лагере № 126, расположенном в гор. Смоленске.

По этому вопросу Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями и заявлениями, из которых в первую очередь заслуживают внимания показания и заявления врачебного персонала лагеря № 126.

Так, например, врач ЧИЖОВ А.Т., в дни оккупации немцами г. Смоленска, работавший военнопленным врачом в лагере № 126, а ныне работающий врачом ШПГ-725, показал на допросе 16 октября 1943 года:

"Примерно, в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126 из числа наиболее физически крепких пленнх было направлено несколько партий пленнх общим количеством до 500 человек, якобы, на окопные работы. Но впоследствии никто из этих пленнх в лагерь не возвратился..."

Врач ХМИРОВ В.А., также работавший при немцах в лагере № 126, а ныне врач ШПГ-725 на допросе 21 октября 1943 года показал:

"Кроме того, мне известно, что примерно во 2-й половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из лагеря № 126 было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправлялись они партиями по 60-80 человек. Отправка этих пленных проводилась на, якобы, окопные работы, в связи с чем отбирались физически полноценные люди..."

ЛЕНКОВСКАЯ О.Г., медсестра Смоленской инфекционной больницы на допросе 22 октября 1943 года показала:

"...В феврале или марте мес. 1943 г., в лагере № 126 немцами было отобрано около 500 наиболее здоровых военнопленных и партиями направлено куда-то. Немцы говорили, что их направляют на окопные работы.

Из этого количества людей ни один в лагерь не возвратился..."

Аналогичные показания дали: медсестра инфекционной больницы ТИМОФЕЕВА А.И., работавшая при немцах медсестрой в лагере № 126, сотрудница Катынской больницы ОРЛОВА П.М., кучер Красноармейского райисполкома гор. Смоленска КОЧЕТКОВ В.Е., гр-ка гор. Смоленска ДОБРОСЕРДОВА Е.Г. и др.

стрел
цами 500
ских воен-
пленных.

Судьба этих военнопленных оказалась трагической: чтобы замести следы своей подлой работы и скрыть концы в воду, все они были расстреляны.

Об этом говорит тот факт, что по показаниям указанных выше свидетелей, врачей и медсестер, работавших в лагере № 126 никто из отобранных военнопленных не вернулся в лагерь, хотя обычно взятые для работ военнопленные в лагерь возвращались.

Кроме того, факт расстрела указанных военнопленных с неопровержимой ясностью доказывается показанием гр-ки МОСКОВСКОЙ.

Гр-ка МОСКОВСКАЯ Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска по Ново-Московской улице, в доме № 6 и

работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов, с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

МОСКОВСКАЯ А.М., 1922 года рождения 18 октября 1943 года показала:

"...Из разговора с ним я узнала следующее:
Его фамилия ЕГОРОВ, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек, был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и ЕГОРОВА, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу из ям таким образом вещей и документов.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Часть военнопленных была занята тем, что откуда-то по ночам возила сотни трупов, которые складывались в могилы вместе с ранее выкопанными трупами. Для этой цели ямы расширялись.

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись. Кормили плохо.

ЕГОРОВ говорил о своих переживаниях, об ужасных ощущениях, когда возишься с трупами, дышешь их запахом. Он с ужасом думал, что не выдержит и сойдет с

ума и твердо решил при первом удобном случае бежать, о чем договорился с другими военнопленными, близкими товарищами по лагерю. Их было вместе с ним 5 человек. Они тщательно присматривались к обстановке, пытались найти возможность использовать какой-нибудь промах охраны и бежать. Однако, это не удавалось.

Лишь в самую последнюю, в самую страшную ночь он бежал один. Дело было так:

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать. Обессиленные, изголодавшиеся, они лежали группами на земле возле того места, которое было отведено им в Катынском лесу "для отдыха".

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. ЕГОРОВ заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3-4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Создалась крайне напряженная обстановка, военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от ЕГОРОВА несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. ЕГОРОВ воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы. Напрягая силы, ему удалось скрыться от преследования.

Два или три дня ЕГОРОВ скрывался в лесу. Видел неподалеку деревню, но не решился туда зайти, учитывая, что в окрестных селениях его будут особенно усиленно разыскивать. Потом ночью вышел из леса и пробрался в Смоленск.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне ЕГОРОВА стало очень жаль и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но ЕГОРОВ не согласился, сказав, что ему нельзя задерживаться и что он не хочет подвергать меня опасности, так как немцы, обнаружив его у меня на квартире, могут меня также расстрелять. Он сказал, что во чтобы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии, или уйти к партизанам.

На прощанье ЕГОРОВ сказал, что никогда не забудет меня и после войны, если будет жив, обязательно придет в гости.

Но в этот вечер ЕГОРОВ не ушел. На утро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, оказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день-два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть.

Накормив ЕГОРОВА, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседи - БАРАНОВА Мария Ивановна и КАБАНОВСКАЯ Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы, немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой".

В связи с обнаружением в сарае МОСКОВСКОЙ военнопленного ЕГОРОВА она вызывалась в гестапо, где ее обвиняли в укрывательстве военнопленного.

МОСКОВСКАЯ на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от МОСКОВСКОЙ, а также и потому, что военнопленный ЕГОРОВ, видимо, МОСКОВСКУЮ не выдал, она была выпущена из гестапо.

авоз немца-
и в катын-
ские могилы
рупов рас-
стрелянных.

В приведенных выше показаниях МОСКОВСКАЯ, со слов военнопленного ЕГОРОВА Николая, рассказала, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, занималась привозом в Катынский лес из других мест сотен трупов, которые складывались в могилы польских офицеров вместе с ранее выкопанными трупами.

Факт завоза в катынские могилы в большом количестве трупов, расстрелянных немцами в других местах, подтверждается также показаниями инженера-механика СУХАЧЕВА П.Ф. и бывш. полицейского ЕГОРОВА В.А.

СУХАЧЕВ П.Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы "Росглавхлеб", работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 г. заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван, он 20 октября 1943 г. показал:

"...Как-то раз на мельнице во 2-й половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, слабо владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск-Витебск. Нас в машине было двое - я и немец-шофер. Ночь была светлая, лунная, однако, устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22-23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен об"езд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на об"езд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неспытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что об"езд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор, наша машина осталась на колесах, я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Еще не доходя до нее меня поразила сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму. Трупы были, видимо, основательно разложившимися, так как они издавали, как я уже сказал, сильный специфический запах.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6-7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии под"ехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спро-

сил одного из русских военнопленных: "что это такое?" Тот также тихо мне ответил: "Которую уж ночь возим трупы в Катинский лес".

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах.

Раздумывая об этом случае позже, после того как немцы начали известную кампанию о "катинском деле", я решил, что очевидно, немцы расстреляли военнопленных поляков не только в Катинском лесу, а и в других местах, а затем, организовав катинскую провокацию, стали трупы всех расстрелянных ими поляков свозить в одно место в "Козьи Горы" может быть потому, что в "Козьих Горах", как известно, находился дом отдыха НКВД, что в глазах немцев придавало правдоподобность их версии о том, что расстрел поляков "дело рук НКВД".

Показания СУХАЧЕВА объективно подтверждаются показаниями ЕГОРОВА Владимира Афанасьевича, 1924 года рождения, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

ЕГОРОВ 15 декабря 1943 года показал, что неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссеиных дорог Москва-Минск и Смоленск-Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по несколько человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях ЕГОРОВ доложил начальнику полицейско-

го участка в деревне Архиповка ГОЛОВНЕВУ Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему "держать язык за зубами" и добавил: "Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела".

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катинский лес, дал также показания ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах - начальник полиции Катинского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катинский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашин, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах.

У1.

Организация немцами агитационной кампании "о зверствах большевиков над военнопленными поляками".

В апреле месяце 1943 года, закончив проведение всех "подготовительных работ", считая, что все "доказательства" собраны, все учтено и все меры приняты, немцы приступили к широкой кампании в печати и по радио, пытаясь обвинить советскую власть в совершении зверств над военнопленными поляками.

В этих целях, как один из методов агитации, немцы применяли организацию поездок и "экскурсий" в Катинский лес на осмотр катинских могил как жителей города Смоленска и его окрестностей, так и "делегаций" из стран, оккупированных немцами, или находившихся в вассальной зависимости от них.

Как правило, "экскурсии" местного населения проходили следующим образом:

Сотрудникам различных учреждений гор. Смоленска предлага-

лось в определенный день в обязательном порядке поехать в Катинский лес, для чего немцами предоставлялись автомашины или поезда до станции Гнездово.

По прибытии в Катинский лес, экскурсантам предварительно показывались находящиеся в особом помещении в ящиках под стеклом различные "документы", якобы изъятые из одежды расстрелянных в Катинском лесу польских военнопленных: письма, фотографии, польские деньги, польские ордена и медали.

Затем, выстроив экскурсантов в шеренги по 3 или 4 человека, их проводили вокруг могил, не давая им останавливаться. Иногда при этом кто-либо из немцев через переводчика "объяснял", что в ямах лежат "замученные большевиками польские офицеры".

Все допрошенные участники экскурсий в своих показаниях единодушно указывают на тот факт, что виденные ими трупы польских офицеров очень хорошо сохранились; сохранилась одежда, обувь, кожные покровы, волосы и проч. Поэтому, по их убеждению, трупы не могли находиться в земле тот длительный срок, о котором говорили немцы (3 года).

Так, например, заведующий Смоленской водопроводной сетью КУЦЕВ И.З. на допросе 24 декабря 1943 года показал:

"Сначала нас привезли к небольшому деревянному домику в Красном Бору, где немцами была организована выставка. На выставке были показаны, якобы, вырытые из катинских могил польский военный мундир, разные документы, письма, деньги, погоны, кресты, медали, фотокарточки и другие мелкие вещи. Даже при беглом осмотре, так как долго задерживаться у витрин, где под стеклом лежали вещи и документы, немцы не давали, было видно, что все это очень хорошо сохранилось. Мундир был совершенно цел и только в отдельных местах был покрыт плесенью. На погонах были отчетливо видны полностью сохранившиеся знаки различия.

Уже при осмотре этих вещей ряд ^{лиц} ездивших вместе со мной начал высказывать удивление состоянием их и брать под сомнение немецкие утверждения о том, что вещи пролежали в массовых могилах три года.

После осмотра выставки нас на машинах доставили в Катинский лес и на шоссе, высадив из машин под наблюдением немцев, повели к могилам. Когда я подошел поближе, то увидел две больших раскопанных ямы, в которых лежало много трупов.

Так как и тут долго останавливаться не разрешали, то хорошо рассмотреть, во что именно были одеты эти трупы, я не смог. Те же трупы, которые были извлечены из могил и лежали на поверхности, были одеты в польское военное обмундирование.

Все трупы и одежда на них были в очень хорошем состоянии. У трупов сохранилась даже кожа на открытых частях тела (лицо, руки).

Этот осмотр еще больше укрепил наши убеждения в том, что трупы пролежали в земле значительно меньше того срока, о котором писали и говорили немцы.

О том, что расстрелы польских офицеров произведены самими немцами подтверждало то обстоятельство, что у некоторых трупов руки были связаны немецкой бумажной бичевкой, имевшей совершенно новый вид. Такие бумажные бичевки я лично видел у немцев в Смоленске. Немцами они употреблялись для упаковки и завязывания мешков".

Учительница школы в поселке Катинь ВЕТРОВА Е.Н. на допросе 29 ноября 1943 года показала:

"После того, как был открыт доступ к могилам, я в группе колхозников дер. Барсуки, в частности с БАРСУКОВОЙ Александрой, возвращаясь из гор. Смоленска в конце июня 1943 года, куда я ездила на базар, посетила место раскопок.

В 15 километрах от гор. Смоленска по шоссе Смоленск-Витебск расположен лесной участок под названием "Козьи Горы". Слева от шоссе в 120-150 метрах от него по лесной дорожке находилось несколько ям. Две из них были засыпаны землей, с крестами и с дощечками с какими-то надписями на немецком языке. Невдалеке от этих двух ям, была третья яма, раскрытая где штабелями были уложены трупы людей. Судя по одежде, там находились не только офицеры, но и солдаты польской армии. Большинство трупов сохранило довольно свежий вид, а именно сохранился кожный покров, волосы, тела сохранили нормальную форму, тоже самое и лица. Трупы никак не походили, как утверждала фашистская пропаганда, на людей расстрелянных три - три с половиной года назад...

Звезды на погонах некоторых лежавших в верхнем ряду трупов поблескивали, хотя казалось бы от времени они должны были покрыться толстым слоем ржавчины, веревки, которыми были повязаны руки, имели вид новых, хотя согласно немецкой версии они должны были истлеть. Обувь на ногах трупов сохранилась полностью. Кроме того, мне бросилось в глаза, что у многих расстрелянных полностью сохранились гамачи, изготовленные из темнозеленой материи. По обуви и одежде не трудно было заключить, что в штабелях лежали не только офицеры, но и солдаты. Солдаты в отличие от офицеров были обуты в грубые башмаки. Все вышеизложенное, как на меня лично, так и на сопровождавших меня лиц, произвело впечатление грубой фальшивки."

Телефонистка Смоленского отделения связи ПЕДРОВА М.Г. на допросе 3 декабря 1943 года показала:

"Нас построили в ряд и повели к раскопанным ямам. Я осмотрела две ямы, причем, немцы долго останавливаться не разрешали, а можно было смотреть трупы, проходя мимо ям. Трупы лежали в ямах рядками, на земле около ям и на стоявших недалеко от ям столах. Я обратила внимание на то, что трупы хорошо сохранились. Одежда на них была военная, шинели, сапоги или ботинки, которые также хорошо сохранились и имели довольно прочный вид. Пуговицы и пряжки от ремней были слегка поржавевшие, однако, сохраняли блеск. У некоторых трупов руки были перевязаны веревкой, но какой я рассмотреть не успела. После осмотра трупов у меня создалось твердое убеждение о том, что немцы сами расстреляли поляков и с целью опорочить советскую власть и скрыть свои преступления, начали демонстрировать "катинские раскопки".

Особого внимания в этом отношении заслуживают показания специалиста патолога-анатома, судебно-медицинского эксперта г.Смоленска, врача с 11-летним стажем работы ЗУБКОВА К.П.

ЗУБКОВ К.П., 1908 года рождения, на допросе 18 ноября 1943 года показал:

"Лежавшие около ям на земле трупы были частично раздеты, без шинелей, в гимнастерках, брюках и в обуви.

Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни

были довольно хорошо сохранившимися и даже местами серо-зеленый цвет шинели был отчетливым. В отдельных случаях сапоги, голенища которых были в виде лакированных, сохраняли свой блеск. Металлические части одежды, пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках, котелки и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла.

Веревки, которыми были связаны руки, сохранились хорошо, были витые светложелтого цвета. Распустившийся конец одной из таких веревок давал повод считать, что веревка сделана из бумаги, по видимому немецкого происхождения, так как бумажные веревки в Советском Союзе не делаются.

Ткани тела трупов, доступные осмотру, лица, шеи, рук, имели преимущественно грязнозеленоватый цвет, в отдельных случаях грязнокоричневый, но полного разрушения тканей гниением не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и части мышц. В ряде случаев в головах трупов в области затылка или лба были видны круглые отверстия, сходные с отверстиями пулевых ран и в тех случаях гниение тканей головы было выражено сильнее.

Во время моего пребывания на раскопках, на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивая их за руки, за ноги и одежду с места на место. При этом они действовали довольно грубо и решительно, но ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались или отрывались их отдельные части, это указывало на сохранность и прочность тканей тела и одежды. Учитывая все вышесказанное я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле не три года, как это утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение протекает быстрее чем в одиночных и тем более без гробов, что одежда и металлические части в таких случаях тоже менее устойчивы и сопоставляя "выставленный" немцами срок давности события три года, с тем, что удалось обнаружить на месте раскопок я пришел к выводу, что массовый расстрел был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к периоду осени 1941 года или весны 1942 года.

В результате посещения раскопок я укрепил мое твердое убеждение, что совершенное массовое злодеяние - дело рук немцев.

Я делился своим мнением среди близких мне врачей, среди которых был врач ШЕПЕТКОВ Леонид Александрович, проживавший в то время в городе Смоленске и работавший вместе со мной. Он высказывал свои суждения по этому поводу, которые совпадали с теми доводами, которые высказывал и я."

Аналогичные показания дали: житель дер.Борок АЛЕКСЕЕВ М.А., житель дер.Новые Батеки КРИВОЗЕРЦЕВ М.Г., дежурный по станции Гнездово САВВАТЕЕВ, гр-ка гор.Смоленска ПУШИНА Е.А., врач 2-й больницы гор.Смоленска СИДОРУК Т.А., врач той же больницы КЕСАРЕВ Т.И., житель гор.Смоленска БЫЧКОВ И.И., работник смоленского духового оркестра ТРЫКИН М.И., учитель Смоленской школы ХАЦКЕВИЧ С.В., сторож станции Смоленск ЧУМАК А.С., жительница гор. Смоленска БОНДАРЕВА А.А., сотрудница Смоленского телеграфа ШМИДРЕ М.А., врач гор.Смоленска СОВОЛЕВ А.В. и многие другие.

Для осмотра катынских могил немцы по специальному выбору привозили в Смоленск "экскурсантов" из всех оккупированных ими областей, в частности из Украины.

В г.Нежине Черниговской области УССР арестован один из участников такой экскурсии - СИМОНЕНКО Д.С., 1913 года рождения, работавший некоторое время у немцев надзирателем в нежинской тюрьме.

На допросе СИМОНЕНКО показал:

"В гор.Смоленск я въезжал в качестве члена "украинской делегации", которая по заданию немецкого командования ездил для обозрения могил в Катынском лесу... После приезда в г.Смоленск мы сразу же были отвезены в дом пропаганды... В доме пропаганды нам отвели три комнаты для ночлега и организовали ужин с выпивкой... На второй день после завтрака, сопровождавшегося выпивкой, нас на грузовой машине повезли в Катынский лес..."

После того как в Катынском лесу "украинской делегации" и СИМОНЕНКО в том числе, были показаны несколько трупов и в ящике под стеклом различные польские документы, их снова отвезли в Смоленск, устроили банкет с выпивкой, а затем отправили поездом в г.Нежин с предложением вести агитацию среди населения о том, что "большевики в 1940 году расстреляли 12 тысяч безоружных польских офицеров, а немецкое командование это дело вскрыло".

Для доказательства этого СИМОНЕНКО была вручена пачка фотоснимков, на которых были засняты могилы в Катынском лесу, трупы, некоторые польские документы и проч.

По возвращении в Нежин всей "украинской делегации" опять был устроен банкет с обильной выпивкой.

Так, обрабатывая "делегатов" банкетами с вином немцы пытались с их помощью заставить население оккупированных областей поверить в "большевистские зверства".

УП.

Преследование немцами лиц, выражавших сомнение в правильности немецкой версии "катынского дела".

Однако организация экскурсий для обозрения "большевистских зверств" в Катынском лесу не дала немцам нужных им результатов: даже те, кто испытывал некоторые сомнения в существовании "катынского дела", побывав на могилах, убеждались в том, что перед ними налицо явная немецкая провокация.

Не верили в немецкую версию и некоторые из участников "делегаций", приезжавших в Катынский лес из других стран, в частности из Польши, хотя, вероятно, немцы тщательно подбирали состав таких "делегаций".

Так, например, СОЛДАТЕНКОВ Д.И., 1891 года рождения, работавший при немцах старостой в дер. Борок, на допросе 29 декабря 1943 года показал:

"Польские врачи, прибывшие для осмотра могил в "Козьих горах" останавливались в помещении школы на ст. Катынь. Эта школа была приписана к нашей деревне. В июле или августе 1943 года, проходя мимо школы, я заметил двух неизвестных. Я подошел к ним, сказал, что являюсь старостой и спросил, кто они такие. Один из них, на чистом русском языке ответил мне, что в школе помещаются польские врачи, прибывшие для обследования трупов, обнаруженных в могилах в "Козьих горах", сам он и его товарищ также являются польскими врачами. Мы разговорились...

Из разговора с польскими врачами я понял, что они сами не верят в то, что польские офицеры будто расстреляны советскими органами. Один из них широкоплечий, белокурый (другой был среднего роста и черноволосый, у обоих на рукавах пальто были повязки с красным крестом) сказал мне прямо, что не верят в то, что русские расстреляли поляков. Врач также добавил, что при раскопках могил в лесу "Козьи горы" там найдены немецкие патроны, вероятно, немцы сами расстреляли польских военнопленных офицеров, а вину хотят свалить на русских".

Слухи о том, что немцы расстреляли в Катынском лесу осенью 1941 года военнопленных поляков, а затем весной 1943 года пытаются приписать это преступление советским органам, усилились среди населения как гор. Смоленска, так и окружающих сел.

Тогда немцы предприняли ряд мер к пресечению подобного рода слухов и стали преследовать лиц, высказывавших сомнение в правильности немецких утверждений о зверствах большевиков над военнопленными поляками.

Гестапо стало выявлять и арестовывать таких лиц.

Специальные указания были даны также по линии русской полиции.

Допрошенный бывш. начальник полиции Катынского участка ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ Ф.М., 1896 года рождения на допросе от 21-го ноября 1943 года признался в том, что, выполняя указания немецкого командования, он проводил инструктаж подчиненных ему полицейских по вопросу репрессирования лиц, выражавших сомнения по "катынскому делу".

ЯКОВЛЕВ-СОКОЛОВ показал:

"Для того, чтобы убедить население в правдоподобности своего сообщения о расстреле военнопленных поляков большевиками, немцы в определенные часы организовывали "экскурсии" в Катынский лес. Однако, посещения леса окружающими крестьянами дали неожиданный результат. Русские крестьяне выражали явное неверие в сообщения немцев и высказывали уверенность в провокации со стороны германских властей.

В связи с этим, создавалась обстановка, вызвавшая серьезную тревогу в немецкой комендатуре и на месте - полицейским аппаратам срочно были даны указания: во что бы то ни стало пресечь вредные разговоры и репрессировать всех лиц, высказывавших неверие в сообщения немецкой печати по "катынскому делу".

Мне лично, как начальнику участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 года немецкий комендант села Катынь обер-лейтенант БРАУНТ и в начале июня - начальник Смоленской районной полиции - КАМЕНЕЦКИЙ.

В соответствии с этими указаниями, я созывал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобности сообщений немцев о расстреле польских

военнопленных большевиками. Эти указания и проводились в жизнь. Такую же директиву — выявлять сомневавшихся дал секретной агентуре мой заместитель — он же начальник 2-го подотдела катынского участка полиции — РЫНДИН Николай Иванович.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что "катынское дело" — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на "экскурсии" в Катынском лесу".

Комиссией был опрошен ряд лиц, подвергавшихся репрессиям со стороны немцев.

ЗУБАРЕВА М.С., 1905 года рождения, уборщица аптеки № 1 гор. Смоленска на допросе 20 ноября 1943 года показала:

"Я была арестована полицией и просидела 5 дней за то, что сказала правду о провокации немцев в Катынском лесу...

Во время читки газеты я сказала рабочим: "Не может быть, чтобы в течение трех лет сохранились трупы польских офицеров и документы, которые приводятся в газете. Они бы все истлели. Польских офицеров расстреляли сами немцы и сваливают на советскую власть".

Присутствующие при этом рабочие, фамилии которых я не знаю, со мной согласились...

Через несколько дней после этого разговора меня арестовали и посадили под стражу в кареульное помещение полиции...

Меня арестовали 30 апреля 1943 года, предварительно вызвав в полицию повесткой, которую я случайно сохранила и передаю следствию. Эту повестку мне возвратил следователь при моем освобождении из тюрьмы с пометкой "Зубарева была задержана и содер. под стражей с 29 апреля по 4 мая". Повестку мне выдали для представления на работу, как об"яснение причины моего отсутствия. Однако эта повестка осталась у меня, так как ее никто не спрашивал, зная, что я действительно была арестована".

(Фотоснимок повестки прилагается).

КОЗЛОВА В.Ф., 1922 года рождения, помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела гор. Смоленска, на допросе 23-го ноября 1943 года показала, что в апреле месяце 1943 года она была арестована гестапо и содержалась в тюрьме 10 дней за то, что среди своих знакомых высказывала сомнения по поводу "катынского дела".

ФРОЛОВА А.И., 1912 года рождения, домашняя хозяйка, работавшая при немцах прачкой в Катинской школе разведчиков, на допросе 4 декабря 1943 года показала:

"Меня уволили из немецкой школы разведчиков вскоре после того, как я, побывав на месте раскопок в лесу, именуемом "Козьи Горы", имела неосторожность заявить, что не верю немцам, что советская власть произвела расстрел польских офицеров, зарытых где-то в лесу и, якобы, откопанных немцами...

Как только администрации школы стало известно об этих моих разговорах, меня уволили. Причем как я не добивалась узнать, за что меня увольняют, мне только сказали: "Надо иметь короче язык".

Однако, не всегда высказывание сомнений по "катинскому делу" так легко сходило для сомневавшихся.

Комиссией выявлены два случая расстрела за это "преступление" - бывший командир полицейского взвода при немцах ЗАГАЙНОВА и работавшего по раскопке могил в Катинском лесу ЕГОРОВА Александра Лукьяновича, 1924 года рождения.

(См. показания КОРОЛЕВИЧА Ивана Матвеевича от 26 октября 1943 года, ЧЕРНЕНКО Михаила Ивановича от 30 декабря 1943 года и ЕГОРОВОЙ Евдокии Ивановны от 27 декабря 1943 года).

УШ.

Попытки немцев перед отступлением из Смоленска замести следы своего преступ- ления в Катинском лесу.

Грубая подтасовка фактов, допущенная немцами в "катинском деле", фальсифицирование свидетельских показаний и прочие примененные ими "мероприятия", могут быть об"яснены тем, что немцы чувствовали себя в Смоленске достаточно твердо и не ожидали того, что им придется под натиском Красной Армии убираться из Смоленска.

Вынужденные к этому, немцы в последние дни своего пребывания в Смоленске стали наспеш предпринимать меры к тому, чтобы замести следы своего преступления.

Так, покидая "Козьи горы", они сожгли дотла занимавшееся ими помещение дачи.

Немцы выслали в дер. Борок людей с целью изъятия и увоза, а может быть и расстрела, служивших на даче девушек: АЛЕКСЕЕВОЙ, МИХАЙЛОВОЙ и КОНАХОВСКОЙ. Те спаслись только тем, что незадолго до этого в предвидении такой возможности скрылись в лесу.

Немцы разыскивали также своего главного "свидетеля" КИСЕЛЕВА П.Г. и его семью. Разыскивались также "свидетели" — бывший начальник станции Гнездово ИВАНОВ, дежурный по станции САВВАТЕЕВ и др.

Разыскивались в последние дни перед эвакуацией немцами гор. Смоленска также профессор БАЗИЛЕВСКИЙ, профессор ЕФИМОВ.

Всем этим лицам удалось избежать насильственной эвакуации лишь потому, что они своевременно скрылись с мест своего постоянного жительства, ожидая прихода Красной Армии.

Подробные показания о том, каким образом удалось спастись от немцев, дали как названные выше лица, так и другие, в той или иной степени знавшие и потому могущие разоблачить немецкую провокацию о "катынском деле".

(См. в приложении протоколы допросов).

ВЫВОДЫ:

Таким образом, собранными Комиссией по расследованию т.н. "катынского дела" материалами и документами с неопровержимой ясностью устанавливается:

1. Что военнопленные поляки весной 1940 года, доставленные в район западнее Смоленска, находились на дорожностроительных работах вплоть до начала военных действий с Германией, т.е. до июня месяца 1941 года.

2. Что военнопленные полки вместе с частью советской охраны лагерей попали в плен к немцам и были расстреляны немцами в конце августа и сентябре 1941 года в "Козьих горах," а также и некоторых других, пока еще не установленных, местах.

3. Что расстрел военнопленных поляков осенью 1941 года в Катынском лесу производило неизвестное немецкое военное учреждение, занимавшее дачу в "Козьих горах" и находившееся на этой даче вплоть до сентября 1943 года.

Руководителем этого учреждения являлся оберст-лейтенант АРНЕС, его ближайшими сотрудниками и помощниками в этом кровавом преступлении являлись офицеры: обер-лейтенант РЕКСТ и лейтенант ХОТТ.

4. Что расстреляв по указаниям из Берлина военнопленных поляков осенью 1941 года, немецкие власти, по тем же указаниям из Берлина, весной 1943 года, в провокационных целях, предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные гнусные преступления органам Советской власти.

Для этой цели:

а) немцы путем уговоров, подкупа, угроз и насилия подыскивали "свидетелей" из числа советских граждан, от которых требовали дать ложные, вымышленные показания о том, что, якобы, военнопленные поляки были расстреляны большевиками;

б) немцы в марте месяце 1943 года из различных мест западнее Смоленска свозили трупы расстрелянных советских граждан, военнопленных и поляков, складывая их в разрытые ими могилы Катынского леса. Это делалось, очевидно, с одной стороны, для того, чтобы увеличить число жертв "большевистских зверств", а с другой стороны, потому, чтобы обнаружением трупов расстрелянных в Катынском лесу на территории дома отдыха УНКВД, по замыслу немцев, придать правдоподобность своей версии о том, что "катынское дело" - дело рук НКВД;

в) немцы соответствующим образом обработали трупы расстрелянных в Катынском лесу военнопленных поляков, вложив в одежду их сфальсифицированные документы.

5. Что использованные для подготовки катынских могил около 500 русских военнопленных были зверски расстреляны немцами, для того чтобы замести следы своих преступлений.

6. Что случай расстрела польских военнопленных в Катинском лесу является одним из звеньев планомерно проводимой в жизнь немцами политики уничтожения "неполющенных" славянских народов.

- ПРИЛОЖЕНИЕ:
1. Эскизный план местности "Козьи Горы".
 2. Справка Смоленского Горсовета депутатов трудящихся за № 17.
 3. Справка Смоленской Облпромстрахкасси за № 5.
 4. Фотоснимки с записей из блокнота МЕНЬШАГИНА.
 5. Фотоснимок "Обращения к населению" за подписью лейтенанта полевой полиции ФОССА.
 6. Фотоснимок повестки на имя ЗУБАРОВОЙ.
 7. Копии протоколов допроса свидетелей, т. 1-й.
 8. Копии протоколов допроса свидетелей, т. 2-й.
 9. Копии заявлений.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
С о ю з а С С Р

(МЕРКУЛОВ)

ЗАМ. НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С о ю з а С С Р

(КРУГЛОВ)

" " января 1944 года.

г. Смоленск.